

МОНСЕНЬОР ДРАНАЯ МОШНА

Рассказ

Ленка похожа на Синди Кроуфорд. Не только волоокостью и высоким ростом. Не только обволакивающей пластикой и голосом. Ах, да боже мой, при чем тут Синди!

У Ленки от природы есть потрясающее свойство: при виде ее статусные мужики начинают пускать слюни, теряют дар речи и буквально вопят вытаращенными глазами: «Я не знаю, что это, но я это хочу!» И ХОТЯТ! Магия. Счастья это Ленке не принесло, потому что Ленка хочет чего-то другого, чем ее обожатели.

Она приезжает ко мне, когда не ладит с очередным мэном. Или когда ладит. Потому что когда ладит, надо тоже время от времени переключаться. Ленка – аэродинамическая труба. Я просчитываю срок, за который очередной поклонник вылетит из ее жизни, после первой пары фраз рассказа – просто по скачущему темпу и восторженной интонации. Ленка не глупа, вовсе нет. И не безразлична. Ничуть. Просто она постоянно притягивает крутых мужиков, те быстро делают предложение и тогда она их ... оттягивает. Потому что Ленка хочет покоя. А это редкость.

Вообще-то моя подруга – бывший член сборной России по баскетболу. Метр восемьдесят, хорошо сложена, объехала всю страну и не только, всегда умеет быть собой и моментально адаптируется в любой команде. Легкий человек. В перерывах между спортивными подвигами она успела закончить школу и экономический вуз, так что и с головой у нее тоже все в порядке.

Кстати о голове: у Ленки неправильные черты лица, большой рот, большие голубые глаза, прямые русые волосы до плеч и всегда стильная одежда. «Могу сказать только тебе, – хвастается подруга на очередной встрече, – эту маечку я отхватила за пять баксов на распродаже. Просто увидела и купила. Ну, своим девочкам я говорю, что это Карден за две штуки». Я не спрашиваю, верят ли девочки. На Ленке этот фиолетовый шедевр на ляжках сидит именно как Карден за две штуки, так что девочкам Ленка говорит даже большую правду, чем мне. Потому что как вещь сидит, столько она и стоит.

На Ленке все дорожает в момент. Магия. Жаль, что она не работает моделью – с ее плеча вмиг бы все расхватили. Только вопрос, что на других Ленкины тряпки могут сесть как ... вороны на заборе. Так что «свои девочки», встречающиеся с ней по делам, безусловно видят перед собой королеву. Им повезло. А я любитель искусства и поэтических впечатлений. Мне нравятся растрепанные ржавые листья на ветру, внезапная рябь на озере и свежие шутки о смысле жизни. И Ленке, как ни странно, тоже нравится именно это. Поэтому со мной она становится собой. «Стильная вещь за пять баксов – это дважды стильная вещь!» – кричу я, Ленка жмет на газ, и мы едем смотреть осенний лес ослепительной красоты. Она отлично водит. А я обожаю кататься.

Я зарабатываю на жизнь бизнес-тренингами – учу менеджеров творческим техникам работы и общения. На один из моих курсов Ленка пришла учиться: ей, «Зарубежные записки» №14/2008

при ее-то данных, приспичило развивать коммуникативные навыки. Я тогда вошла в зал, увидела волоокую красавицу и сразу подумала: вот с ней я бы хотела общаться. Вообще я с клиентами не дружу, это правилами этикета не рекомендуется, и по жизни неинтересно: бизнес, которому я их учу, занимает всю их жизнь и очень небольшую часть моей, так что у нас мало общих интересов. По сути, меня больше всего волнует поэзия жизни, про которую большинство деловых людей вспоминают разве что перед смертью. За годы моей работы с менеджерами Ленка – исключение из правил первое и последнее. К ней тянет.

Эта Ленкина волшебная притягательность стоила ей спортивной карьеры. Обычные мужики от нее просто тихо уходят в астрал и ни на что уже в этой жизни не надеются. Крутых мэнов в начале ее карьеры в нашей стране еще не было, а за бугром наших спортсменов в те предперестроечные годы блюли как зеницу ока. И вот, когда Ленкины дела в лыжном спорте пошли в гору, собственный тренер стал подбивать под нее клинья. У парня ничего не вышло, потому что Ленку надо завоевывать личным стилем, которого в российской системе мужику наработать было негде. Откуда стиль у Ленки – непонятно. Может, ее прабабка была итальянской королевой.

Короче, тренер выразил свои чувства в виде, который на языке закона называется сексуальные домогательства, Ленка по доброте душевной стала спрашивать, не переволновался ли он, – может, чем помочь. Ее подружки-спортсменки покатались со смеху и безжалостно обсмеяли незадачливого кавалера. Мужик оказался неотходчив, стал Ленку терроризировать. Через какое-то время стало ясно, что плетью обуха не перешибешь, – и Ленка волей-неволей ушла из большого спорта.

Дело было в начале 1990-х, в стране полным ходом шла Перестройка. Мужчины разделились на огромные массы утопивших надежды в реках палёной водки и небольшие группки бойцов за свой шанс в жизни – шестисотый мерс, малиновый пиджак с золотыми цепями и мальчиков кровавых в глазах. Рядом по пустым магазинам в поисках пропитания для семей рыскали толпы плохо одетых женщин, мечта о принце, который их отсюда увезет. А тут как раз в страну нагрянула куча иностранцев в поисках экстрима и в надежде сделать капитал на обширном советском рынке, который наконец постигла окончательная победа социализма.

Впавшая в некоторый транс от прекращения круглосуточных тренировок, Ленка отоспалась и пошла в приличный супермаркет за едой, которую все еще могла себе позволить на оставшиеся от прошлой жизни деньги. И тут ее мельком увидел богатый сорокалетний итальянец-коммерсант. И «пропал».

Итальянец с музыкальным именем Джованни владел мебельным бизнесом, разговорным русским языком и достаточной смекалкой, чтобы с первого взгляда понять, что перед ним брильянт. Он бросил все свои кошёлки и споренько поволокся за Ленкой. Познакомился прямо на улице, вручил сияющую золотом визитку, позвал в Метрополь, напел про виллу на Сицилии (что оказалось чистой правдой) и счастливую жизнь настоящей синьоры (что оказалось полной лажей). Затем потребовал знакомства с родителями, обаял их за полчаса до потери сознания, а уж когда по завершении визита Ленкина мама обнаружила идеальную совместимость этого Джованни-Козерога с Ленкой, родившейся под знаком Девы, вопрос был решен: Ленка вышла замуж и уехала в Италию.

На Сицилии синьор устроил медовую неделю в роскошной постели, пару раз свозил молодую по красивым набережным и культурным местам, а потом запер в особняк с прислужгой и надолго уехал по делам, ибо бизнес требовал внимания. Пока Джованни увеличивал капитал, время от времени навещая супругу, смысленная и контактная Ленка выучила основы итальянского, познакомилась с местным обществом и вскоре обнаружила, что мужчины острова воспринимают ее либо как проститутку, либо как диковинную вещь при муже. А сицилийские жены – увы!

– имеют крайне узкий кругозор, ограниченный детьми, домом и сплетнями про то, кто сколько заработал и кто с кем спит.

Ленка, не склонная к сплетням, но привыкшая к постоянной активности и переменам, решила завести хотя бы ребенка, о чем и сообщила Джованни после его возвращения. Благоверный оказался категорически против, объявил, что это его ужасно обременит, разразился тирадой о радостях жизни для себя и уехал не прощаясь в надежде, что к очередному возвращению жена выкинет эту дурь из головы. Ленка в ответ налегла на итальянский и подготовила убедительную речь в пользу младенца на почти чистом сицилийском.

Через полгода она снова подкатила к мужу с планами рожать, в результате чего итальянская логика напрочь разошлась с русской, супруги поссорились, и муж привел в дом падре, вместе с которым попытался убедить Ленку в ее порочности. Порочность состояла в русском происхождении и идее перечить супругу. Для религиозных дискуссий Ленка в то время итальянским владела все еще недостаточно, поэтому она затихла, дождалась отъезда мужа, поискала работу – безнадежно.

Синьора смирилась, поскучала, вспомнила про тренажерный зал, занялась покупкой новых нарядов, завела молодого любовника и за этими занятиями дождалась получения итальянского гражданства. В надежде, что новый статус что-то изменит в ее правах, Ленка еще раз попробовала наладить семейную жизнь и честно сварганить Джованни младенца, в результате чего окончательно поругалась с благоверным, матом выперла надоевшего нотациями падре и решила вернуться домой. Наняла адвоката, подала на развод и уехала в Москву.

Дома она попала в руки расстроенных родителей, пару лет помоталась в Италию на процессы, сделала адвоката любовником, потом просто другом и на третий год твердо уяснила себе, что развод будет стоить ей всех имеющихся сил. Дело в том, что по итальянскому законодательству муж должен Ленке кой-чего из своего немалого имущества, да еще половину своих доходов отныне и до тех пор, пока она не выйдет замуж. В сумме эти деньги стали бы для Ленки очень неплохим капиталом, учитывая, что сицилиец хорошо зарабатывал «белыми» лирами со своего весьма большого бизнеса.

Но бизнесмен тоже оказался не промах. Ему ребенок-то казался обременительным, а тут он посчитал свои убытки и решил Ленке ни лиры не отдать. Итальянская судебная система потакала Джованни просто потому, что он был коренной итальянец с деньгами и связями, а Ленка – итальянка только по мужу, без крутых связей и своих капиталов. Супруг нанял лучшего адвоката, на первом же слушании зашелся в падучей насчет плохой репутации русских девушек и – о, донна миа! – в кулуарах пообещал жене, что она уйдет от него еще более нищей, чем была до брака.

Я познакомилась с Ленкой, когда она пять лет как разводилась, потому что адвокат сделал на Ленкином разводе себе такое имя, которое окупало ее расходы на процессы. Синьора жила в России, меняла статусных любовников раз в месяц, по легкости характера сохраняя со всеми отличные отношения до, во время и после романов. Для жизни она держала небольшой посреднический бизнес – что-то для русских в Италии, что-то для итальянцев в России. Ленка успешно использовала натренированное спортом и мужем упорство для пробивания заслонов, которые ставили клиентам русские и итальянские чиновники. Благодарные клиенты боготворили волоокою красавицу с чистым итальянским выговором, помогавшую им получить желаемые связи и преодолеть межкультурные препоны, и вскоре Ленка выстроила под Москвой двухэтажную дачку.

По ходу дела контактная русская синьора искренне и без подвоха подружилась с итальянским консулом, регулярно моталась в Италию по делу и без, на намеки

кавалеров «про замуж» отвечала «а я уже там», про все проблемы, кроме развода с сицилийцем, говорила «говно вопрос!» и решала их с итальянским изяществом.

Мы с ней подружились легко и незаметно. Обычно я схожусь с людьми на почве творческих проектов, так что поначалу даже удивлялась, как это у меня завелось столь бесцельное знакомство. Волшебным образом все дела, которые мы с Ленкой задумывали, не складывались. И столь же волшебным образом это ничуть не портило наши отношения, состоявшие из поездок по Подмоскovie и трепа о том, о сем, а всего больше – о Ленкиных поклонниках.

Нет-нет, это не «Секс в большом городе». Там у девушек все время были проблемы. У нас с Ленкой проблем не было. У нас были истории. Прелестные необременительные миниатюры легкого человеческого сумасшествия, никогда не длящиеся дольше того срока, за который мужчина успевает подумать о женитьбе. Я в те годы вопрос о браке решила отрицательно, так что если бой-френд начинал глядеть слишком серьезно, я говорила, как Васильева в «Дуэнье»: «А вот этого не надо. Вот этого я не люблю».

Ленкины романы были похожи на легкий трепет тюлевой занавески летним днем. Страдать Ленка, как и я, не любит. Мужчин, как и я, любит. Но если я к тем годам держалась своей дорожки вне зависимости от того, совпадала она с планами знакомых мужчин или нет, то Ленкин путь представлял собой лабиринт с привидениями. Итальянский брак создал у нее иммунитет к мечтам о семье, но не научил отличать то, что привиделось, от того, что есть на самом деле. Так что она трепетала, потом удивлялась, потом расстраивалась, потом уставала. И наконец при намеке на брак ее романтические отношения загадочным и крайне разнобразным образом рушились, превращаясь, впрочем, во вполне теплые воспоминания. Тогда во время очередной нашей с Ленкой встречи я слышала: «Ах, ты помнишь того владельца банка? Так вот, представляешь...» Ленка отработывала романтику за двоих, а я живо представляла все в красках и хохотала до слез. Обоих такое общение вполне устраивало.

Со временем Ленкины рассказы про личную жизнь бизнесменов, политиков и прочих деловых людей я все-таки превратила в творческий проект: стала изучать семейную психологию. И через годик срок, характер и стиль их пребывания в качестве статусных кавалеров синьоры предсказывала, как профессиональная гадалка.

Как-то Ленка прикатила ко мне и сказала: «Я все поняла. Я их распределила по пользе дела». «В смысле?» – спросила я. «Ну, очень просто, банкир для кредитов, юрист для консультаций, дипломат для деловых контактов...»

– И директор мебельного концерна – для мебели. А консул?

– Консул всегда был для души. Он такой милый!

– Отлично. И давно ты так живешь?

– Неделю, – сказала Ленка и погрустнела.

– Не вижу оптимизма в лице. Решение твое вроде потрясает разумностью, но чего-то тебе, дорогая, явно не хватает.

– Мужского внимания, – Ленка вздохнула, – у меня теперь не осталось никаких иллюзий. Я про них все себе расписала и поняла.

– Ну, зато теперь ты можешь не трепыхаться.

– Теперь я знаю, почему ты не трепыхаешься. Для бизнеса страсти вредны, а в личных отношениях я отдаю больше, чем получаю. Мужчины всегда успевают лучше меня позаботиться о своем удобстве.

– Ну, что ж, одной заботой меньше: теперь с дядьками, которые ищут удобств, у тебя будет очень симметричная и справедливая стратегия. Хотя и без романтического флера.

– Ох...

Я порадовалась за Ленку – хоть и с грустью – подруга растет над собой. И тут меня вдруг «пробило»:

– Послушай, синьора, а почему ты вдруг созрела для такой разумной жизни?

– А мне позвонил мой адвокат и сообщил последний финт бывшего мужа. Накинь ремень, тогда расскажу.

Я ненавижу ремни безопасности, но у Ленки в глазах зажглись такие чертики, что я даже потянулась к металлической бляшке.

– Не надо. Я же знаю, что ты их не любишь. А в наших с тобой отношениях главное – никакого насилия и сплошная свобода. Ну, так слушай. Позвонил мой адвокат и сказал: «Дорогая, сядь на стул – дело передается в Ватикан».

– Джованни стал мебельным Папой Римским?

– Нет, что ты. Он требует признать брак незаконным, потому что я не родила ему ребенка!

– Гад. Он же сам не хотел детей. Ну да, для суда это неважно. Важно другое. Дорогая, надеюсь, ты сохранила простыни с доказательством твоей невинности? И платье, залитое... ммм... мужними слюнями?

– Нет. Я сохранила свидетельство о браке. А он теперь запудрил мозги Ватикану историей о том, что я лишила его продолжения рода. Для суда в Ватикане мне нужен монсеньор.

– Это такой специальный мужик для срочного зачатия?

– Нет, это специальный дедушка для моей защиты. В Ватикане стороны представляют не адвокаты, а монсеньоры. И мой благоверный себе уже нашел одного. И в этом вся загвоздка.

– А что, он нашел монсеньора дьявола? О, содрогайтесь, стены Ватикана!

– Стены будут содрогаться. Причем как только я начну отвечать на вопросы. Понимаешь, там, в суде, мне нужно будет сказать: «Уважаемый монсеньор такой-то, я честная девушка»... ну, и рассказать ему, почему это так. А фамилия монсеньора моего мужа... ммм... как бы тебе сказать – его фамилия состоит из двух частей. Ну, вроде как у нас Козлодоев.

– Его монсеньор – Козлодоев?

– Хуже. Его монсеньор имеет фамилию «Драная Мошна». И это не шутка.

– Класс! Я хочу это видеть: «Монсеньор Драная Мошна, я честная девушка, хотя Вам этого и не понять!» И в сторону судьи, заламывая руки: «Ах, не виноватая я, вы ж видите – у меня муж с Драной Мошной!»

Ленка захохотала так, что чуть не съехала с дороги.

– А знаешь, что гениальное? Слушание – сегодня!

– Что?! А почему ж ты здесь?

– А мне муж прислал неверную дату, гад!

– А адвокат?

– Он сам хочет выступать: у него карьера горит!

– И что теперь?

– Теперь? Теперь мой горячий итальянец и не менее горячий адвокат обсуждают мою честность в стенах Ватикана с Драной Мошной!

Наш хохот прервал звонок. Ленка шепнула: «Адвокат», – и стала слушать. Через минуту она положила мобильник с ошарашенным выражением лица:

– Мы выиграли.

– Как?

– Помнишь падре, вместе с которым муж меня терзал на Сицилии? Он дал показания, что я хотела ребенка.

– Почему? Падре недоплатили?

– Нет. Падре, как говорит мой адвокат, принадлежит к другой религиозной... ммм... ветви, чем Драная Мошна.

– Поэтому падре был с Мошной предельно честен, рассказывая о тебе.

– Хуже. Он был предельно честен, рассказывая о моем муже. И о его Мошне. Эти набожные люди схватились прямо в зале суда по какому-то религиозному вопросу, и теперь...

– ...Ватикан имеет новый свежий апокриф от Драной Мошны, падре – двух смертельных врагов в лице твоего мужа и его монсеньора, а ты – пожизненное обеспечение!

– Не пожизненное. А до момента, пока я не выйду замуж!

– И когда ты собираешься?

– Вообще-то нет. Хотя если б было что-то стоящее. Ну, ты понимаешь...

– Ну да, выйти замуж за стоящее, чтобы вместо капитала бывшего мужа обрести перспективу нового развода.

– О, мамма миа, Катерина! Что ты говоришь!

– А что, разве это невероятно?

– Но мне все-таки хочется семейного счастья!

– Семь лет судов, жизнь в аэродинамической трубе, нервы, ожидания, наконец, победный развод – и все к черту... Конечно, к черту деньги! Замуж, блин, как только наступила свобода! Скорее замуж! Как же тебе, однако, не хватает семейного счастья!

Ленка было насупилась, но потом не выдержала и опять расхохоталась, а я открыла окно и запела:

– Посмотри, пока свободна: начинается ослепительная золотая осень! Почувствуй звонкий воздух, запах грибов, ощущение, что что-то забылось... ах, неважно! Гляди, какие облака! Какой оранжевый куст и красная ветка рябины, отраженная в луже! Смотри, смотри, какая рябь на озере и восхитительный привкус уходящего прошлого!

– Уговорила! Полетели – где мое помело? К черту!

Мы сменили тему.

Вскоре Ленка познакомилась с очередным статусным мэном и впервые в жизни решила, что он ей подходит. Три недели знойный топ-менеджер строительного концерна Юрочка не решался соблазнить красавицу, потом, наконец, пал и оказался человеком старомодных взглядов, то есть немедленно предложил жениться.

Ленка, которой предложения такие были не впервой, сказала «посмотрим» и через неделю приехала ко мне рассказывать про прелести «мармеладно-цветочного периода». Она осторожничала, ожидая «вылета» кавалера из аэродинамической трубы, однако молодой человек стабильно проявлял джентельменские качества. У него был всего один недостаток: он дико ревновал Ленку к ее многочисленным воздыхателям, статусным знакомым и крутым связям. Он ненавидел ее телефон. Но в остальном – розовые розы и шоколад. Так что Ленка смягчилась, переехала к Юрочке и вскоре... расписалась, поставив крест на деньгах бывшего мужа и отгрохав роскошную свадьбу на деньги нового.

Через месяц она позвонила и сказала: «Я купила машину. Поехали – обновим завтра утром! Ничего, что так внезапно?» – «Наоборот, хорошо – пора проветриться», – обрадовалась я.

Я ждала ее на краю тротуара холодным и прозрачным октябрьским днем. Даже в Москве не было смога – остатки золотой осени были видны за версту, всплесками отцветали последние клумбы, земля представляла собой разноцветный шуршащий ковер. Пока я любовалась, тихо подъехала серебряная литая машинка, затемненное окно плавно опустилось и я увидела... девушку Джеймса Бонда. Такая красавица в черных очках приковывала взгляд. Я залюбовалась: это была... «Садись, дорогая», – сказала незнакомка, и я наконец узнала Ленку.

– Дорогая, ослепительно! Ты, новая машина – просто красота!

Ленка сняла очки. Глаза красные, под правым – фингал.

– Это Юрочка?

– Да. Он потребовал, чтоб я бросила работу. Ну, вообще-то мне уже давно хотелось чего-то другого, я продала свою фирму, но решила искать работу в компании. Пока искала, сидела дома, так Юркин папа-алкоголик замучил меня капризами, а Юрка встал на его сторону. Мы начали ругаться... Сегодня утром я сказала, что ухожу окончательно – и вот...

– Лена, если б ты видела себя со стороны! Ты мечта любого миллионера! Брось все это, отпусти Юрку к чертовой матери. Подожди, пока фингал пройдет, сними очки – толпа бизнесменов сбегится, выберешь себе нормального мужика!

– А что такое нормальный мужик, а? Ты его видела? Как это выглядит?

Мне стало ужасно ее жалко. Вообще-то я в последнее время очень хорошо себя чувствовала в своем танке, полном творческих проектов и лишенном личных переживаний. Но ради Ленки в таком состоянии я готова была приоткрыть люк и высунуться над башней.

– Поедем за город, хорошо? А я пока подумаю и попробую что-нибудь тебе рассказать.

– Уже едем. Знаешь, нам вполне достаточно просто побыть вместе. Я рада тебя видеть.

– Я тоже рада тебя видеть. Даже с фингалом.

Ленка снова надела очки и спокойно повела машину, плавно выкруливая в наши любимые места – вон, вон из города. Я сидела, представляла себе, как тихо приоткрываю изнутри люк башни танка и вслушивалась в свои ощущения. Мы выехали на шоссе, машина почти полетела на юг. Я слушала свои чувства, как музыку, и понимала, что когда ощущение созреет, слово скажется само.

– Знаешь, мне нравятся редкие и странные люди. Их немного, родственных душ. Впрочем, у меня вообще небольшая емкость на близких. Вот забудь про бизнес и представь: ты идешь по дорожке в лесу, смотришь и слушаешь. И ничего не делаешь больше. А потом выходишь на луг и чувствуешь – что-то будет! И тут появляется радуга.

– А ведь знаешь, радуга видна всем, кто вовремя задирает голову после дождя.

– Именно. Вот я думаю, Ленка, что нам нужны отношения, похожие на радугу. И чтобы они возникли, нужно прислушиваться к лесу, в котором идешь, и к себе. И тогда в какой-то момент – только не спеши! – дождь и солнце обязательно совпадут, и будет радуга. Тогда стоит просто задрать голову. И увидеть того, кто тоже задирает голову вместе с тобой.

– Найти своего по радуге? Красиво, но непонятно. А что будет радугой?

– То, что ты любишь. То, что ты любишь всем сердцем. Конечно, такое совпадение надо заслужить. Но если не любить всем сердцем, то совпасть невозможно. А если любишь, то как грибник: просто со временем почувствуешь, где твои лисички.

– Да, помню, в детстве мы с папой ходили по грибы. Сначала я не понимала, где что растет, а потом сама шла в ту сторону, куда указывали понятные тебе знаки леса. Их много. Присматриваешься. Приближаешься. Шуршишь палочкой в листве или траве – нет, не то, но чувствуешь, что – где-то здесь они, рядом. Проходишь еще немного. Потом отпускаешь все мысли и ничего не делаешь, будто просто гуляешь. И тогда – вот он!

– Да, вот он! Только его еще надо срезать, донести, сварить и съесть.

– Перестань, что за ассоциации!

– Самые прямые – самые точные!

Нам самим стало смешно от того, куда нас сегодня завели разговоры, но вдруг Ленка снова заволновалась:

– А нужно ли что-то выиграть у тех, кто тоже ходит, слушает, задирает голову и тоже ищет? Ведь я там не одна, в этом лесу...

– Верно, не одна. Хотя ты тоже гриб, и еще какой.

– И все-таки?

– Ну, впрямую, наверное, нет. Но хороший грибник идет в лес рано поутру, бродит там, где нехожено, имеет свои заветные места и секреты. Я в детстве собирала белые в Эстонии с велосипеда: едешь утром по дороге вдоль озера и наметанным глазом видишь шляпку. Вчера вечером этот боровик еще не вылез на поверхность – или вылез мало, и его не заметили. А сейчас он – твой!

Ленка инстинктивно взгляделась в край шоссе, а я рассмеялась. Синьора резонно парировала:

– Мужчина, конечно, не белый гриб, но он же может голосовать на шоссе?!

– О да! Именно так: вчера еще не было, а тут – вылез! Кстати, знаешь, мы с тобой, наверное, никогда не переживали из-за несложившихся деловых проектов, потому что общаемся по радуге. И если гриб не нашелся – неважно, бизнес-проект это, деньги или еще какие-то планы – просто идем дальше. Похоже?

– Да, очень.

– Что же нам теперь – лесников искать?

– Лучше музыкантов – или поэтов. А, вот, поняла: ищем радужных людей! Ну, и мужиков в том числе. А вообще – не в профессии дело. Интерес к жизни – это не профессия. Человек творческой профессии может быть полностью омертвлен скукой. Дело во внутренней радуге. Не знаю, как объяснить. Просто посмотри на лес вон там, на опушке. И, кстати, включи радио.

По радио запели итальянцы, а я вдруг поняла, что мы с подругой вышли на новый этап. Ленка теперь, вероятно, перестанет влипнуть в восторженные быстротечные романы и смешные разочарования. А я вылезла из танка. Ох, как же тут небезопасно, на равнине. Зато я могу хоть кому-то объяснить, чего хочу, не рискуя нарваться на палец, крутящийся у виска.

После той встречи Ленка стремительно развелась и пошла работать в ювелирный концерн. Она довольно быстро обжилась там под восторженные, но безнадежные всхлипы окружающих мужчин. Новый Ленкин шеф едва доставал ей до плеча и был снабжен бдительной супругой, контролировавшей его пристрастия к спиртному, женщинам и деньгам не хуже Ленкиного сицилийца. «Как думаешь, у твоего босса есть монсеньор?» – спросила я, когда мы поехали с ней кататься по заснеженному Подмосквью. «Слава Богу, что у нас нет Ватикана, а у шефа столько капиталов, что даже в случае развода хватит на всех!» – расхохоталась русская итальянка.

Она еще полгода поработала, радуясь своей свободе, как ребенок, а к лету поехала в Швейцарию – организовывать корпоративный праздник компании. Через день после отъезда Ленка позвонила мне и запела в трубку:

– Катерина, какая я счастливая! Я встретила такого мужчину! Приезжай кататься!

– Какая у него профессия?

– Барон! И он играет на флейте!

– Ну, тогда я беру губную гармошку и еду! Встречай!

– Я серьезно тебя жду в любое время. У барона полно гостевых комнат.

– Не сомневаюсь. Тем более для твоих критичных подруг.

– А я ему не сказала, что ты критичная. Я сказала, что мне нужно твое благословение.

– О Боже! Ленка, ты уже можешь давать благословение любому барону сама!

– Но тогда ты не приедешь подстраховать меня с ним!

– Как барона не страхуй....

– Катерина! Я еще не видела здесь радуги – здесь все время солнце!

– Фонтан найди – около него всегда радуга.

– Точно! Все, я пошла искать фонтан, а ты собирайся. Договорились?

– А у барона нет случайно монсеньора по фамилии Драная Мошна?

– Здесь вообще нет монсеньоров! И потом, я не собираюсь никуда спешить!

– Ну, это радует. Впрочем, мы с тобой можем теперь в сторону таких неприятностей вообще не ходить: интуиция-то у нас теперь в порядке... надеюсь?

– Я стараюсь!

– Ладно. Позвоню, как только разгребу дела.

– Я пришлю тебе фотки Женевского озера, чтоб ты поняла, что рискуешь потерять.

Ленка знала, что мне слать для мотивации: я обожаю озера. Само собой, что она прислала фото с радугой. Ну и куда ж мне было деваться? Завтра вылетаю.

2006